

«ЭЛБОМ» ДЛЯ ЭЛИ: ЛИЧНОЕ ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РЕБЕНКА*

В статье рассматриваются тенденции освоения личного имени собственного как необходимого фактора становления языковой способности в онтогенезе. Выявляется обусловленность восприятия семантики и формы неполного и полного личного имени ментальными доминантами языкового сознания детей дошкольного и младшего школьного возраста. Характеризуются специфика номинативной функции, коммуникативной и лингвокультурной уникальности личного имени собственного в речи ребенка. Отмечается неспособность ребенка на ранних этапах оторвать имя собственное от конкретного носителя, использование личного имени как средства самоидентификации в дейктической функции, неотделимость имени от исходного коммуникативного контекста, индивидуальность эмоционально-оценочного наполнения имени, стремление приспособить имя к конкретной ситуации его употребления, использовать имя как мотивированный знак. Анализируется механизм отождествлений по созвучию как зона, формирующая личностную фоносемантику имени, специфика ложноэтимологических сближений, проясняющих внутреннюю форму антропонимов — в том числе имеющих осознанно характерологическую функцию и проявляющих интенцию ребенка к ономастической игре. Устанавливается устойчивая корреляция между подобными трансформациями имени и традициями игрового детского фольклора. В языковом сознании ребенка имя собственное обладает специфической психологической реальностью и особыми функциями на каждом из этапов онтогенеза: переходная зона между именем собственным и нарицательным оказывается подвижной и наполняет антропонимы коннотативной конкретикой. С помощью имени ребенок осознает

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00175 «Экспериментальное исследование лингвокреативной деятельности ребенка: игровой потенциал детских словотворческих инноваций».

© Гридина Т. А., 2014

собственную уникальность и постигает суть межличностных отношений, выраженных в мотивации имен.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, антропонимия, детская речь, ономастическая игра, ассоциативный контекст имени собственного, ментальные доминанты детского языкового сознания, номинативная техника, имятворчество.

Детская речь — тот удивительный феномен, который позволяет судить о специфических процессах становления языкового сознания в разных его ипостасях. Наряду с базовыми компонентами языковой способности ребенка (фонетическим, семантическим, грамматическим) несомненный интерес представляют фоновые уровни, формирующие его лингвокоммуникативную и лингвокультурную компетенцию.

Личное имя собственное представляет для ребенка самостоятельную область познания.

Поначалу¹ как своеобразные имена собственные в детской речи выступают слова-апеллятивы, называющие самых близких ребенку людей (*мама, бабушка, папа, брат* и др.). Ср.: «Дима, как у тебя папу зовут?» — «*Папа*». — «Папа Сережа?» — «Нет, *n a n a*» (2,5 г.)². Осознание того, что у каждого предмета существует и м я, еще не соотносится на данном этапе с разграничением категорий «общее» — «индивидуальное»; этот очевидный факт весьма показателен в том отношении, что имя собственное (ИС) в детской речи — знак вторичный, обладающий особой функцией (в свете речевого онтогенеза может быть затронут вопрос и о первичной семантике ИС в филогенезе)³.

Восприятие действительных значений «терминов родства», имеющих релятивную семантику, детям младшего дошкольного возраста еще недоступно. Для этого необходимо встать на «чужую» позицию, изменить ракурс видения ситуации, к чему маленький ребенок не способен в силу свойственного ему эгоцентризма, когда единственной точкой отсчета в осознании логики родственных отношений является он сам. Пока не произошел процесс «децентрации», ребенку

¹ Речь идет о периоде раннего / младшего речевого онтогенеза, который соответствует возрасту от года до трех лет и характеризуется появлением первых слов и активным «наращиванием» лексикона ребенка.

² Источниками материала, там, где это не оговорено особо, послужили «Объяснительный словарь детских инноваций» Т. А. Гридиной [2012], записи детской речи (личная картотека автора) с 1976 г. по настоящее время, картотека детской речи кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета.

³ Вполне вероятно, что первичная функция выделения отдельного субъекта из числа других осуществлялась в филогенезе по признаку родства (как биологически обусловленного фактора социального взаимодействия), и лишь потом эта функция приобретает черты личностной индивидуализации, в частности, выражаясь в появлении системы антропонимических номинаций — прозвищ и официальных личных имен и фамилий, а также их гипокористик.

трудно понять, что его собственная мама — дочка для его бабушки, а его бабушка — мать для его мамы и т. п.). Отсюда и обескураживающие своей парадоксальной логикой детские суждения и вопросы: «Почему ты бабушке говоришь “мама”»? Это *ты моя мама*, а бабушка — *моя бабушка*» (2,5 г.).

То же касается и личных ИС, которые «оправдывают» в детской речи свое основное назначение — служить уникальным средством номинации (индивидуальным для конкретной личности). В частности, уже осознав, что у каждого человека есть «отдельное» (специальное) имя, дети младшего дошкольного возраста не могут «оторвать» его от конкретного носителя. Этим в частности объясняется появление в детской речи специфических неразложимых комплексов типа *мамаТаня*, в «упрощенном» варианте *маТаня*, *баРая* (баба Рая), *дяАндрей* (дядя Андрей) и др. Подобные номинации (продукты универбации) нередко закрепляются в семейном жаргоне, сохраняя коннотацию своего «детского» происхождения. Ср., например, корреляты типа *баба Ася* (сращение *бабАся*) и *бабася* (почти деонимизированное, подобное уменьшительному апеллятиву *бабуся*); *батоня*, *батонечка* (из *баба Тоня*, *баба Тонечка*), произвольно вызывающие ассоциацию с *батон* (что может обыгрываться как самим ребенком, так и взрослыми, транслирующими детское новообразование)⁴.

Личное ИС служит для ребенка и средством с а м о и д е н т и ф и к а ц и и, выступая в действительской функции⁵. Дети младшего возраста нередко говорят о себе в третьем лице, используя имя вместо соответствующих личных местоимений: «*Петя* с мамой гулять» (3 г.) (просьба Пети пойти с мамой гулять); «*Ире* конфетку дать» (2,5 г.) (просьба Иры дать ей конфетку). В подобных случаях ребенок «дублирует» в своей речи обращение к нему взрослых, система же личных местоимений как абстрактных указателей осваивается далеко не сразу.

На этапе освоения антропонимов в раннем и младшем онтогенезе у н и к а л ь н о с т ь ИС⁶ представляется ребенку абсолютной, что вызывает его протест против «обезличенных» обращений. Вот типичные иллюстрации реакций ребенка на то, что к нему обратились не по имени: «Я не *мальчик*, а *Миша*» (3 г.); «Мама, я не хорошая *дочка*, а хорошая *Катя*» (3,5 г.). Подобным образом дети могут

⁴ Ср. зафиксированный нами контекст: (Придя с мамой из хлебного магазина): «*Батоня*, мы купили *батончик* (смеется). *Батончик для Батони!*» (4 г.). Бабушка: «Вот и хорошо, сейчас кушать будем *Батонин суп*. С *батончиком*».

⁵ Рассматривая проблему персонального дейксиса в онтогенезе, Г. Р. Доброва отмечает: «...в некотором смысле можно сказать, что кореферентные по своей природе знаки — личные имена и личные местоимения — во многих отношениях гораздо более близки, чем это представляется на первый взгляд; основное же различие лежит в области постоянства / непостоянства референции (что... может нивелироваться в детской речи)» [Доброва, 2003, 34].

⁶ Для ребенка его имя есть часть собственного «я», могущее соответственно принадлежать только ему одному. Ср. диалог: «Как тебя зовут?» — «*Миша*». — «А папа у тебя тоже Миша? Его как зовут?» — «*Папа*» (3 г.). ИС для ребенка — главный способ самоидентификации и самопрезентации в разных формах коммуникации с окружающими.

реагировать и на ласкательные обращения типа *зайка, рыбка, киска* (не признавая их переносного употребления и не принимая такого «отождествления»). Мать обращается к малышу, скачущему в собственной кроватке: «Ах, ты, зайчик-попрыгайчик!» Мальчик: «Я не *зайчик*, а *Максимка*» (3 г.).

С другой стороны, ласкательные обращения родителей могут закрепляться в сознании ребенка как неотъемлемая часть его личного имени, которое воспроизводится с соответствующим приращением. Воспитательница в детском саду: «Амина, собирай игрушки». — «Я не *Амина*, а *Амина Исхакова — солнышко желтое*» (4 г. 3 мес.). Такие примеры показывают, что ИС для ребенка неотделимо от исходного коммуникативного контекста и осваивается как некий знак, несущий в себе индивидуальные эмоции и оценки.

Личностный смысл как ментальная доминанта детского языкового сознания⁷ своеобразно проявляется и в применении имени к конкретной ситуации употребления (стремлении использовать ИС как мотивированный знак, несущий информацию о своем носителе, в том числе актуальную для момента речи). Интересны в этом отношении случаи самопереименования, когда ребенок присваивает себе новое (характерологическое, соответствующее ситуации) имя. Мама, разговаривающая по телефону, просит сына, пытающегося привлечь ее внимание: «Алеша, не мешай!» Мальчик: «Буду *мешать*, потому что я *Мешалкин*, а не *Алеша*» (4 г. 2 мес.). Придуманное имя в данном случае служит ребенку для оправдания мотивов собственного поведения. Таким косвенным образом он выражает несогласие со сложившейся ситуацией, предъявляя взрослому правила коммуникации в соответствии с собственной логикой использования языковых знаков (личных имен)⁸.

Нередко дети проецируют свое имя на названия различных предметов и явлений, ситуаций, с которыми им приходится сталкиваться (ребенок думает, в частности, что название вещи, ему принадлежащей, как-то связано с его собственным именем). Эл я тянется за с в о и м (недавно подаренным ей) альбомом: «Папа, подай мне *эльбом!*» (3 г.). *Эльбом* (как мотивационный модификат слова *альбом*) имеет смысл «Элин альбом». Возможно, в данном случае это результат ослышки, выявляющей актуальный для ребенка вектор восприятия и мотивации незнакомого слова. Ср.: *Аленькая кофточка* — кофточка, которая может

⁷ Под ментальными доминантами языкового сознания ребенка мы понимаем временно господствующие аспекты восприятия детьми значений языковых единиц, обусловленные «сверхнаивной» (термин Н. И. Лепской) картиной мира ребенка (его когнитивным и перцептивным опытом). Это антропоморфная, артефактная, мотивационная доминанты, доминанты ситуативного и личностного смысла, образно-эвристическая доминанта детского языкового сознания [Гридина, 2013].

⁸ Вполне вероятно, что в данном конкретном случае создание антропонима имеет характер раннего проявления языковой игры, когда придуманное имя служит ребенку для оправдания собственного поведения в глазах взрослого. Зависимость между именем и свойствами его носителя представляется ребенку самоочевидной (тот же принцип лежит в основе образования отфамильных и отыменных прозвищ в детской речи).

принадлежать только *Алле*, *Аллочке* (4 г.). Подобные факты проявляют «номинативный реализм» (буквализм) как одну из ментальных доминант детского языкового сознания, когда ребенок стремится установить тождество слова и вещи, найти прямую связь между названием и свойствами того, что оно обозначает (буквализм восприятия знака выражается в явлении уточняющей реноминации — введении «антропонимического корня» своего имени в модельную сетку готового слова).

В целом ряде случаев дети буквально следуют за логикой уже существующего наименования. Так, *антоновские* яблоки воспринимаются как принадлежащие *Антону*: «Яблоки антоновские, значит, мои» (6 лет). Увидев цветы *анютины глазки*, название которых ей известно, трехлетняя *Аня* восклицает: «Мама, смотри, *аниглазки* растут, мои, значит». Частичная модификация полного названия цветка отражает эвристический акт его восприятия — прочтение ребенком внутренней формы наименования через отождествление с гипокористической формой своего личного имени.

Ассоциативная идентификация личного ИС и апеллиатива — типичный механизм образования прозвищ (особенно отфамильных). Например, *Галкин Максим* — *Галка* (так называет его ребенок 4 лет): «Снова выступал *Максим Галка*»⁹.

ИС может ассоциативно всплывать в сознании маленького ребенка при припоминании недостаточно усвоенного слова, что обнаруживает механизм отождествлений по созвучию как зону личностной фоносемантики слова. Девочка четырех лет увидела по телевизору тигра: «У нас в садике тоже *игорь* есть, только игрушечный» (4 г.). Близкие по звучанию *тигр* и *Игорь* — слова-перевертыши (если несколько раз без остановки произнести *тигр*, получится что-то очень похожее на *Игорь*). Сам язык словно играет, порождая возможность таких спонтанных ономастических метаморфоз.

Подобные ассоциации имен нарицательных с ИС могут возникать и в результате ослышек при восприятии детьми незнакомых слов в составе высказывания, что позволяет ребенку адаптировать речь собеседника к актуальной для него ситуации. Подвижность границ слова в потоке речи дает возможность по-разному членить высказывание. Нередко такое членение обуславливает восприятие детьми стихотворных и песенных текстов, устойчивых выражений, в которых вместо имени нарицательного ребенок «находит» ИС. Мы слышим в незнакомом тексте прежде всего то, что подсказывает нам наш опыт, и ИС в этом отношении оказывается удобной спасительной «гаванью» (любой незнакомый отрезок речи может

⁹ Ср. каламбур, переводящий ту же фамилию в иной класс по сближению с ИС: *Максим Галкин* — *Максим Алкин* (с намеком на отношения М. Галкина с А. Пугачевой). Данное употребление зафиксировано в речи школьников пятого класса (очевидно, как трансляция остроты из разговорной речи). Примечательно, однако, объяснение прозвища одним из школьников: «Если в фамилии *Галкин* убрать первую букву, получится *Алкин*». Тот же ребенок, участвуя в тренинге на придумывание лингвистических загадок-шутки, тиражирует данный прием языковой игры: «Как из птицы сделать человека? Ответ: зачеркнуть первую букву в слове *галка*, и она превратится в *Алку*».

быть воспринят либо через ассоциацию с каким-то реальным созвучным именем, либо как некое якобы существующее имя). Приведем несколько иллюстраций: «Эй, моряк, ты с *Мишкой* долго плавал...» (5 лет) — детский вариант интерпретации строчки из песни «Эй, моряк, ты *слишком* долго плавал...». Частица *слишком* для речевой практики ребенка — явно чуждый элемент, затемняющий содержание текста (поэтому слово и «не услышано»), а вот ситуация «долгого плаванья моряка в компании с *Мишкой*» для понимания ребенка вполне доступна. Ср.: «Мама, включи мне *Клубкина*... путешествие». — «А кто такой *Клубкин*?» — «Это дяденька, который про путешествия рассказывает» (5 лет) (из дневника Т. В. Матвеевой)¹⁰. Название телепередачи «*Клуб кинопутешествий*» в результате переразложения (иного членения звукового потока) воспринимается ребенком как *Клубкина путешествие: Клубкин* — «говорящая фамилия», содержание которой для ребенка связано с представлением о том, что в названии телепередачи о путешествиях звучит имя ее ведущего. Ср. отождествление словоформы существительного с фамилией. (Бабушка, негромко читает вслух «Отче наш»): «И не введи во искушение, но избави нас от *лукаваго*...». Катя: «А кто такой *Лукавов*?» (6 лет). Непонятный фрагмент высказывания (*от лукавого*) ассоциируется ребенком с фамилиями на *-ов*, окончания которых в форме род. п. омофоничны окончанию *-ого* (ср. от *Иванова* и от *лукавого*).

Восприятие незнакомого звукового комплекса как личного ИС или фамилии — вполне типичный прием ассоциативного отождествления, который представлен не только в спонтанной речи ребенка, но и в регистре языковой игры (как намеренное сближение ребенком созвучных имен собственных и нарицательных). Так, пятилетняя Аня придумала игру в имена и фамилии месяцев: *январь* — *Ян Варь* (слово омофонически членится на сегмент, совпадающий с реальным личным именем, остаточный сегмент осмысливается как фамилия, возможно, ассоциируясь с *варить*); *февраль* — *Федя Враль* (в данном случае, очевидно, из состава слова вычленяется в качестве фамилии сегмент, омонимичный слову *враль*, а оставшийся сегмент «доставляется» до уменьшительной формы имени собственного); ср.: *сентябрь* и *октябрь* — близнецы *Сеня* и *Оксана Тябрь* (тот же принцип членения, что и в предыдущем случае, только в основе фамильной идентификации — сходство финальных структурных сегментов в названии месяцев); *март* — *Машиа Рт* (в данном случае девочка ассоциирует название месяца с реальным, известным ей именем: *Машиа Рут* — коллега ее родителей (Мария Эдуардовна Рут), которую они неофициально называют неполным именем; Аня идентифицирует фамилию *Рут* с остаточным сегментом слова *маРТ*, а первый слог — по уже выработанному ей самой игровому алгоритму — доставляется

¹⁰ Т. В. Матвеева — профессор кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского федерального университета, доктор филологических наук, любезно предоставившая нам дневниковые записи — наблюдения над речью собственных детей — Кости и Ани Матвеевых.

до *Маши*). Ср. *май* — *Машиа Й*, где остаточный «фамильный» сегмент не имеет семантической мотивации, но созданный игровой вариант дублирует предыдущую модель — правда, фамилия сокращается до одного звука (из дневника Т. В. Матвеевой)¹¹.

Структура полного официального ИС также осваивается детьми постепенно. При восприятии на слух комплекс имя-отчество может подвергаться нестандартному авторскому членению. Сопутствующие друг другу «парные» компоненты имени не всегда разграничиваются ребенком и часто подвергаются метатезной перегруппировке слогов, дублированию слоговых сегментов, междусловному наложению и т. п.: *Дамила Милая* (Людмила Даниловна): «Как твою тетю зовут? — «*Дамила Милая?*» (3,5 г.)¹²; «*Светлана Няюрьевна* (Светлана Юрьевна, врач) сказала завтра приходить» (4 г.); *ВералиНишинá* — вариант произношения ребенком имени *Вера Ильинична* (воспитательницы в детском саду): «*Верали-Нишина* строгая, она меня в угол поставила» (4 г.). Очевидно, отчество в таких случаях еще не воспринимается ребенком как самостоятельный элемент полного имени. Собственно, такие же неразложимые комплексы, где имя и отчество не отделяются друг от друга, сплошь и рядом функционируют в разговорной речи: *Мариванна, Палсаных* и т. п.¹³ Осмысление таких разговорных вариантов полного ИС по сближению с созвучным именем нарицательным (по принципу ложной этимологизации) может служить источником разного рода парадоксальных детских заключений. По телевизору транслируют интервью с Эдуардом Эргартовичем Росселем — губернатором Свердловской области. Корреспондент, обращаясь к губернатору, произносит его имя и отчество в разговорной манере, как одно сокращенное слово: *Эдгатыч*. Аня, услышав это, спрашивает: «Папа, а почему его называют «гадыч», он что ли плохой?» (5 лет).

Но и отчетливо вычленяемое в структуре антропонимической модели отчество может получать ситуативно-оценочную трансформацию или заменяться ребенком. В таких случаях рефлексия над собственным отчеством может выступать как признак ономастической самоидентификации. Маша (4 г.): «Не хочу быть Марией *Стафеевной*, хочу быть Марией *Галиновной!*» Замена отчества *Стафеевна* (от *Стафей*, сокращенного *Евстафий*) на *Галиновна* (по имени матери) выглядит комично: ребенок не осознает того, что отчества даются только

¹¹ Языковая игра такого уровня в дошкольном возрасте — показатель лингвистической креативности безусловно одаренного ребенка, что в данном случае стимулировано речевой средой (родители девочки — доктора филологических наук). В настоящее время А. Матвеева — талантливая молодая писательница, лауреат и победитель многих литературных конкурсов.

¹² Впервые услышав имя-отчество своей тети, ребенок воспроизвел его в виде *Дамила Милая*. Впоследствии так и называет ее, придавая «отчеству» *Милая* значение «хорошая, любимая».

¹³ Воспроизведение детьми подобных сокращенных структур полного имени имитируется в стихотворении А. Барто «Анна Ванна»: «Анна Ванна, наш отряд хочет видеть поросят...», — что придает стихотворению экспрессию живой детской речи.

по имени отца. Неприятие девочкой собственного отчества вызвано его необычностью (и, возможно, «неблагозвучностью») для восприятия. Кроме того, она принимает на себя роль *маминой* дочки. Ср. высказывания типа «Я мамина, а не папина дочка» — и наоборот.

Замена (частичная модификация, уточняющая мотивация) отчества чаще всего придает ему понятный для ребенка облик: мальчик 5 лет называет мамину знакомую Аллу *Вениаминовну* Аллой *Витаминной* (уверен, что так и надо). В зону такого рода спонтанной ложноэтимологической мотивации попадают прежде всего отчества от экзотических (редких) имен.

Осознанные трансформации отчества как самостоятельного элемента полного имени часто получают в детской речи характерологическую мотивацию. «Мы учительницу свою зовем не *Любовь Борисовна*, а *Любовь Басисовна*». — «Почему?» — «Потому что она, когда нас ругает, *басом* говорит» (7 лет); «Ты, бабушка, не *Нина Вагановна*, а *Нина Выгановна*, раз меня с кухни выгнала» (5 лет).

Особенности коннотативной семантики личных ИС в детской речи проявляют отыменные и отфамильные прозвища, образование которых связано со стремлением установить внутреннюю форму антропонима и нередко принимает вид языковой игры.

Традиционны для детской субкультуры рифмованные прозвища-дразнилки *Ванька-встанька*, *Ниночка-корзиночка*, *Иринка-картинка*, *Галка-палка*, *Андрей-воробей*, *Зина-резина*, *Соня-засоня*, *Вова-корова* и т. п. Употребляются они не только и не столько с целью приписать носителю того или иного имени какую-то характеристику (чаще всего нереальную), сколько как особый элемент игрового фольклора, сопровождающий общение детей в коллективе. Интересен пример, когда апеллятивная семантика рифмованного прозвища так прочно закрепляется за личным ИС, что само это имя условно употребляется вместо нарицательного. Ваня обращается к бабушке, готовящей обед: «Хочу *вовку!*» — «Какого *вовку?*» — «Ну, *морковку*. (Смеется). У нас в садике есть мальчик, мы его *Вовка-морковка* зовем!» (6 лет).

Наряду с устойчиво бытующими в детской речи «формулами» таких дразнилок отмечаются и чисто ситуативные их варианты, свидетельствующие о продуктивности самой тенденции оценочной рифмовки ИС с именами нарицательными. Приведем две иллюстрации того, как работает этот «механизм» ассоциирования. Девочка 4 лет размышляет о том, на что «похожи» известные ей имена: «*Леночка* как *ленточка*, *Олечка* — как *колокольчик...*». Ассоциативное освоение ИС в приведенном примере связано с их положительной оценкой (благозвучностью). Однако фоносемантика ИС может восприниматься и как отрицательная, если форма имени кажется ребенку нелепой, незнакомой, если имя «смешно звучит» и т. п. Так, прочитав по слогам название магазина «*Афина*», пятилетний мальчик рассуждает вслух: «*Афина...* Имя такое? *Афина, Афина... Афина-дурачина*» (смеется). Незнакомое ИС вызывает в данном случае эмоциональную реакцию в виде рифмовки с оценочно-экспрессивным словом-отзвуком.

Вместе с тем оценочный потенциал рифмованных отыменных прозвищ, несомненно, связан и с отношением детей к носителю имени. Тогда «формальная» дразнилка находит обоснование применительно к конкретной ситуации: *Ирка-задирка* (о девочке, которая любит драться, задирается), *Антон-батон* (о толстом мальчике), *Верка-ревелка* (часто плачет, ср. *рева-корова*), *Димон-покемон* (по особенностям внешности) и т. п. — прозвища, записанные в речи детей-дошкольников и школьников.

Освоение фамилий также имеет в детской речи два основных вектора. Одним из них является поиск мотивированности имени, а вторым — образование отфамильных прозвищ. Объяснение «происхождения» фамилий в младшем онтогенезе отражает наивные представления детей о том, на что они могут указывать: «А у *Лисиной* Марины мама *лиса*?» (3 г.); «Почему остановка называется «*Королёва*» (фамилия известного конструктора космических кораблей)? Там *короли*, что ли, живут?» (4 г.); «А Алла *Пугачева* что ли всех *пугает*?» (5 лет). Основа такой интерпретации — ассоциация фамилии с известным ребенку словом-апеллятивом. Однако даже верно угаданный мотиватор приводит ребенка к парадоксальным выводам в силу произвольности устанавливаемых смысловых связей (отсутствия необходимой культурной информации).

Отфамильные прозвища в детской речи часто возникают на базе ложно-этимологической мотивации. «Мы Машу *Домшакову* зовем “*домна*”». — «Почему?» — «Потому что она все время болеет и *дома* сидит» (6 лет). Конечно, фамилия *Домшакова* и слова *домна*, *дом* ничего общего не имеют, кроме сходства звучания, но такое сближение вполне отвечает потребностям ребенка в обосновании информативной (характерологической) функции ИС.

В практике общения детей среднего и старшего школьного возраста отыменные и отфамильные прозвища нередко приобретают характер ассоциативной игры. Так, в коллективе школьников восьмого класса мальчик по фамилии *Дубасов* получает прозвище *Дуб*, шутовое *Дуб-с* и ассоциативно связанные с ним *Эвкалиптс*, *Турнепс*. По контрасту с фамилией возникают антонимические игровые прозвища типа *Кудреватых* — *Лысый*; *Кошечев*, *Тощев* — *Толстый*. Фамилия *Иванов* трансформируется в *Петров-Сидоров* (по сближению с наиболее частотными русскими фамилиями)¹⁴.

Особенности освоения ИС, как это видно из приведенных примеров, непосредственно связаны и с их функционированием в детской субкультуре, на которую оказывают сильное влияние фольклор, детская литература и другие источники, создающие информационный контекст антропонимов. Ср. курьезы, связанные с употреблением детьми прецедентных ИС, освоение которых обусловлено сформированностью культурного фона ребенка. Например, показывая

¹⁴ Ср. также сложные фамилии типа *Петров-Водкин*, которые в данном случае могли послужить структурным аналогом для образования прозвища.

на Илью Муромца на картине, пятилетний ребенок, недавно посмотревший фильм «Тимур и его команда», называет былинного богатыря *Илья Тимуровец* (по связи с именем пионерского вожака, героя повести А. Гайдара). Ассоциативное смещение обусловлено в данном случае еще недостаточно расчлененным в сознании ребенка набором ИС, почерпнутых из разных источников (что и обуславливает при припоминании сбой в выборе нужного имени).

Неосознанные «ошибки» в употреблении ИС диагностичны для определения уровня ономастической компетенции ребенка применительно к соответствующей области знания, на что, в частности, влияет род профессиональной деятельности родителей. Так, Дима (4 г.) спрашивает маму — преподавателя русского языка, что такое *скафандр*. Не дождавшись ответа, предлагает: «Давай посмотрим в словаре». Подходит к книжному шкафу: «Где тут у нас словарь Ёжикова?» Переделка фамилии известного лингвиста (составителя толкового словаря русского языка С. И. Ожегова), которую ребенок при воспроизведении из памяти приспособил к более понятному для себя облику, выглядит забавной и простительной для малыша-дошкольника. Заметим, что впоследствии этот детский «казус» получает в семейном жаргоне статус ономастической игры, маркирующей ситуацию необходимости обращения к словарю.

Таким образом, разные аспекты восприятия ИС — фонетический, мотивационный, структурный, стилистический — образуют его ассоциативный контекст. Ономастическая компетенция требует гибкого владения этими регистрами — с учетом традиций использования соответствующих разрядов ИС и того личностного и социокультурного субстрата, которым обрастает имя в сознании конкретного носителя. В языковом сознании ребенка ИС обладает специфической психологической реальностью и особыми функциями на каждом из этапов онтогенеза: переходная зона между именем собственным и нарицательным оказывается подвижной и наполняет антропонимы коннотативной конкретикой. С помощью ИС ребенок осознает собственную уникальность и постигает суть межличностных отношений, выраженных в мотивации имен.

Гридина Т. А. Объяснительный словарь детских инноваций. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2012.

Гридина Т. А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1 : коллектив. моногр. / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 5–58.

Доброва Г. Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.

Рукопись поступила в редакцию 27.06.2013 г.

* * *

Гридина Татьяна Александровна
 доктор филологических наук, заведующая
 кафедрой общего языкознания и русского
 языка Уральского государственного
 педагогического университета
 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
 комн. 281; тел. 8 (343) 253 76 64
 E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Gridina, Tatyana Aleksandrovna
 D.Sc., professor, head of the Department
 of the Russian Language and General
 Linguistics
 Ural State Pedagogical University
 26, Kosmonavtov, office 281, 620017,
 Ekaterinburg, Russia; tel. +7 343 253 76 64
 E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

AN “*ELBUM*” FOR *ELYA*: GIVEN NAMES IN THE LINGUISTIC MIND OF A CHILD*

The article examines the trends of exploration by a child of their own given name seen as an important factor of the development of linguistic capacity in ontogenesis. The author analyzes the perception of the personal name (both in its full and short forms) as determined by the mental dominants of preschoolers' and school-age children's linguistic mind and reveals the specificity of the nominative function of the name, its communicative and linguo-cultural features in children's speech. The author points out the incapacity of a child, at early stages of development, to detach a given name from its concrete bearer, the use of a name as a deictic means of auto-identification, the inseparability of a name from the original scene of communication, the individual character of the emotional and evaluative components of its meaning as well as the tendency to adjust the name to a particular situation and to use the name as a motivated sign. The author focuses on the mechanisms of phonetic identification which contribute to the formation of individual phonosemantic features of the name and the false etymological convergences which clarify the internal form of anthroponyms, including the convergences that have a deliberate characterizing function and manifest children's liking for onomastic play. The article establishes stable correlations between that kind of transformations of a name and the traditions of children's folklore. In the linguistic mind of a child any proper name acquires a specific psychological substance and specific functions on each stage of ontogenesis, the transition zone between proper and appellative names being flexible and filling anthroponyms with concrete connotative meanings. The name helps children to become aware of their own uniqueness and to realize the sense of interpersonal relations reflected in names motivations.

К e y w o r d s: Russian language, anthroponymy, children's speech, onomastic play, associative context of a proper name, mental dominants of childrens' linguistic mind, techniques of naming, creation of names.

* This work was supported by the Russian Foundation for Human Sciences (grant number 14-04-00175 “Experimental Research of Language Creativity of a Child: Ludic Potential of Children's Language Innovations”).

- Dobrova, G. R. (2003). *Ontogenez personal'nogo deiksisa (lichnye mestoimeniia i terminy rodstva)* [Ontogenesis of Personal Deixis (Personal Pronouns and Kinship Terms)]. Saint Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena.
- Gridina, T. A. (2012). *Ob"iasnitel'nyi slovar' detskikh innovatsii* [An Explanatory Dictionary of Children's Innovations]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.
- Gridina, T. A. (2013). К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи [Towards the Origins of Linguistic Creativity: Creative Heuristics of Children's Speech]. In T. A. Gridina (Ed.), *Lingvistika kreativna-1* [Linguistics of Creativity-1] (2nd ed.) (pp. 5–58). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.

Received 27 June 2013